

ФРАНЦИЯ И КОРОЛЕВСТВО СИАМ В XIX В.: ОЧЕРК И СТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

В первой половине XIX в. во Франции возрождается интерес к Королевству Сиам (с 1939 г. — Таиланд). С 1816 по 1868 г. в Сиаме побывало немало французских миссионеров и путешественников. В 1834 г. Жан-Поль Курвези (Jean-Paul-Hilaire-Michel Courvezu, 1792–1857) становится апостолическим викарием Сиама, а в 1840 г. на этом посту его сменяет священник Общества Парижских иностранных миссий (La Société des Missions Etrangères de Paris) епископ Жан-Батист Паллегуа (Jean-Baptiste Pallegoix, 1805–1862). Полагаясь на помощь и поддержку католических миссионеров, император Франции Наполеон III (годы правления 1848–1852, 1852–1870) предпринимает попытку обновить французо-сиамские контакты, остававшиеся почти безжизненными с начала XVIII в. в силу закрытия страны для европейцев.

Прибывавшие в Сиам французские миссионеры, путешественники и ученые передавали свои впечатления о стране в деловой и личной переписке, в путевых заметках и публицистических эссе для французских и международных периодических изданий (например, таких как «Revue des Deux Mondes», «Le Moniteur Universel», «Tour du Monde», «Annales de la Propagation de la Foi», «Bulletin de la Société de Géographie» и др.), а также в отдельных трудах. Следует особо отметить письма Брюгьера (Brugière), епископа Капского (1830 г.); «Описание Сиамского Королевства» епископа Паллегуа (Париж, 1854 г.); исследование Леона де Росни (Léonde Rosny) «О сиамском языке и сиамской письменности» (1855 г.), а также его описание Сиама в «Nouvelles Annales des Voyages»; заметки Александра-Анри Муо (Alexandre-Henri Mouhot) о путешествии по Сиаму и другим странам Индокитая (Париж, 1868 г.).

Масштабные реформы в Сиаме в середине и второй половине XIX в., проводимые королями Рамой IV Монгкутом (годы правления 1851–1868) и Рамой V Чулалонгкорном (годы правления 1868–1910), европеизация королевского двора и армии, развитие отношений Сиама с европейскими и азиатскими государствами вызывали особый энтузиазм французской стороны. Известный французский путешественник и ученый А.-А. Муо писал: «Король Монгкут одел солдат по обычаю

европейских армий; он приказал рыть каналы, возводить крепости, прокладывать дороги, строить корабли и пароходы; в Бангкоке основан Королевский печатный двор и провозглашена свобода религиозного образования для представителей народов, которые живут под властью сиамского монарха. <...> Новый королевский двор убран в европейском вкусе <...> в покоях можно видеть статуэтки и портреты правителей и исторических деятелей Европы... <...> Сам король Монгкут имеет все привычки и обыкновения богатого и величавого европейского короля» [Fabre 2005: 143].

Жан-Батист Паллегуа отмечал: «С наступлением китайского нового года из портов Китая к сиамским берегам хлынули полсотни джонок, нагруженных различными товарами, а на борту джонок толпились тысячи эмигрантов, приехавших в Сиам попытать счастья и нажать состояни-е. <...> К середине столетия в Сиаме решительно все пришло в движение», — резюмировал Паллегуа [Ibid.].

Французов привлекали сиамские «несметные богатства и изобилие, которыми могут воспользоваться не только местные жители, но еще хватит на четыре-пять кораблей, отплывающих в Китай», — писал Паллегуа [Fabre 2005: 134]. О провинции Чантабури, например, рассказывали, что там возвышаются груды драгоценных камней, несметные, неисчерпаемые залежи — хризолиты, гранаты, аквамарины; для большей убедительности Паллегуа признавался: «Я сам нашел парочку на земле, чуть было не наступив на них» [Ibid.].

Судя по географическим описаниям, Сиам казался французам чуть ли не раем: «Деревья в лесах отяжелели от обилия плодов; в реках, озерах и прудах водится много рыбы; а пары стеблей бамбука достаточно для того, чтобы выстроить целый дом. Сезонный разлив рек способствует небывалой плодородности земли. В этой стране человеку только и остается что сеять да сажать, больше от него ничего не надобно, ибо всю работу делают лучи солнца, и сиамцу чужда необходимость в условиях и предметах роскоши, которая так мила сердцу каждого европейца», — писал А.-А. Муо [Ibid.: 133]. Паллегуа отмечал: «Не знаю, найдется ли где-нибудь в мире другая такая щедрая страна, как Сиам», а миссионер Брюгьер называл Сиам «Садом Индии» [Ibid.: 134].

Паллегуа расписывал, чем богат каждый уголок страны: на острове Ко Чанг ласточки круглый год выют гнезда, столь ценимые китайскими гурманами; на остров Краби черепахи откладывают яйца в песок; на острове Ко Самет — источники вкуснейшей воды, в прудах полно рыбы, под ногами — ракушки и — куда ни глянь — залежи кварца самого светлого и чистого оттенка; в провинции Чантабури много перца, кардамона,

каучука, слоновая кость, сахар, воск, табак и рыба, густые леса, где сиамцы охотятся на тигров, медведей, носорогов, буйволов и оленей [Ibid.: 133].

Миссионер Шарль Лабарт уверял, что и половины природных богатств Сиама хватит, чтобы прокормить сиамский народ, а в долине реки Менам Чао Прая, где расположился Бангкок, производительность можно еще удвоить или даже утроить, и, проведя самые простые ирригационные работы, вполне возможно собрать два урожая в год вместо одного [Ibid.: 134]. Восхищаясь золочеными крышами храмов и пагод, Паллегуа утверждал, что в Сиаме золото примерно в той же цене, что железо или олово во Франции. Он писал также: «Здесь есть храмы, убранство которых можно оценить примерно в восемьдесят, а то и в сто центнеров драгоценного металла (что составляет более двух миллионов франков серебром)» [Pallegoix 1854, t. I: 79].

Символом всего экзотического в глазах французов был Бангкок. Брюгьер называл столицу Сиама «Индийской Венецией», а миссионер Амеде Греан описывал Бангкок так: «Это город, в котором причудливо соседствуют здания самых разных стилей (индийский, китайский, европейский); где великое множество иностранцев, каждый из которых одет по обычаю своей страны; и кишашее население в пятьсот тысяч жителей; этот город — место сколь необыкновенное, столь и привлекательное. Все располагает к тому, чтобы путешественник остался доволен своим в нем пребыванием» [Gréhan 1868: 21]. В описании интерьеров столичных храмов фигурировали упоминания о богатых росписях, листовой позолоте и статуях Будды, на одну из которых в храме Борованивет, по словам А.-А. Муо, потребовалось 150 унций золота; рассказывалось о «настиле из серебра и об идоле, выполненном из цельного куска изумруда; этого идола местные англичане оценивают в двести тысяч пиастров (то есть приблизительно в миллион франков)» [Pallegoix 1854, t. I: 135].

Французы уверяли, будто во дворце короля Монгкута не счесть тайников, где хранятся сокровища короны: золото, серебро, драгоценные камни, ценнейшие ткани; а также есть конюшни, где содержат чудных скаковых лошадей; кладовые, в которых заключены всевозможные дикувинки; Муо вспоминал павильон в итальянском вкусе, меблированный под европейский стиль, полный безделушек и изящных вещей немалой цены [Fabre 2005: 136]. Несомненно, что «такого рода преувеличения и приукрашивания, очевидно, создавали несколько искаженный образ страны, а уж когда в руки французского читателя попадали подобные описания, то этот образ, конечно, расцвечивался еще ярче — уже благодаря читательской фантазии» [Ibid.: 134].

Следует отметить, что стремление французов обратить сиамцев в католичество не отличалось той силой и вдохновением, с какими проводили свою деятельность в стране французские миссионеры XVII в. Пропаганда католической религии в Сиаме уже, по-видимому, не могла рассматриваться как мощное средство укрепления французского политического и экономического влияния.

Веротерпимость тайцев, невысказанная в ту пору для европейца, обезкураживала французов. Лаволле писал: «Они признают, что христианство заключает в себе великие истины; но, говорят они, наставления и заповеди Будды достойны не меньшего восхищения, так к чему тогда им менять веру? У каждой страны своя религия, и ничто не мешает сказать, что все религии одинаковы хороши. Возьмем, к примеру, фрукты — они растут в разных широтах и разном климате, но могут иметь одинаковый вкус. Такие соображения объясняют веротерпимость сиамцев и то отвращение, которое они питают к самой идее принятия христианской религии» [Ibid.: 152–153].

Апостолический викарий в Сиаме, епископ Флорен в 1827 г. писал руководителям Общества Парижских иностранных миссий: «Если вкратце объяснить, по какой причине попытки обратить сиамцев в христианство не имеют успеха, то можно с уверенностью сказать: сиамцы околдованы своими священниками. Если в Китае, Кохинхине и Тонкине на тех почти не обращают внимания или же их там немного, то здесь они без устали сочиняют небылицы и одиозные сказки, направленные против христиан и христианских отцов, тем самым отталкивая местный народ от истинной веры» [Ibid.: 151]. Миссионер Пеко на страницах «*Annales de la Propagation de la Foi*» изъяснялся с большей прямоотой: «Приходится признать, что Сиам — самая неудачная из наших миссий. Характер народа грубый и недалекий. Сиамцы подвержены влиянию местных монахов и священников, самых нелепых и злостных слуг, которых только дьявол мог послать на землю» [Ibid.]. Дю Аи в эссе на страницах журнала «*Revue des Deux Mondes*» подсчитывал расходы сиамской казны на содержание буддистских священнослужителей, монахов и строительство храмов, оценивая эту сумму в 10 миллионов франков [Ibid.: 135].

Большинство французских миссионеров XIX в., «будучи под влиянием идеи превосходства европейской цивилизации и важности ее просветительской миссии, совершенно игнорировали тот факт, что местные жители имеют свою собственную религию и полноценную культуру» [Costet]. В то же время отец Клемансо, печатник Общества Парижских иностранных миссий, поощрял чтение миссионерами исследований

Эжена Бюрнуфа*, дабы те могли «лучше понять буддистскую религию и эффективнее с ней бороться» [Ibid.].

Действительно, французские миссионеры размышляли о сущности сиамских верований, о влиянии на них брахманизма. Главный вопрос заключался в том, подпадают ли тайские верования под определение религии. Брюгьер писал: «Сиамцы поклоняются множеству богов, которых олицетворяют огромных размеров позолоченные идолы» [Fabre 2005: 149]. Пеко отмечал: «Они веруют, что на небе воздастся праведникам, а в аду будут наказаны грешники. Они ожидают благодати, которая снизойдет с небес на землю; их души, веруют они, живут в телах животных, сообразно значению и величию зверя: например, души праведных обретают физический облик голубя или соловья. Посему убийство живого существа в глазах сиамца — смертный грех» [Ibid.]. Брюгьер считал, что основой сиамских верований является метампсихоза: «Основа их веры по сути та же, что у древних греков и римлян; та же доктрина бессмертия и вечной жизни, во всех пространствах и временах одновременно» [Ibid.].

Лаволле называл Будду «олицетворением всех возможных суеверий» [Ibid.: 152]. «Они говорят — не привязывайтесь к благам сего мира, потому что те ускользнут от вас помимо вашей воли; ничто в мире не принадлежит вам; даже ваша личность не ваша, ибо вы над ней не властны, ибо вы не можете сделать так, чтобы она оставалась в одном и том же состоянии, она меняет свою форму беспрестанно», — анализировал он [Ibid.: 150]. Французов, как христиан-католиков, поражал сиамский обычай сжигать умерших. Как писал Паллегуа, «это зрелище страшное, почти невыносимое для человеческого взора» [Pallegoix 1854, t. I: 269].

Французские авторы описывали и устройство сиамского общества. Предметом особого внимания стала система рабовладения. Паллегуа писал: «Не стоит полагать, что к рабам в Сиаме бытует то же отношение, что к рабам-неграм в Америке. Конечно, некоторые хозяева плохо их кормят, порой секут их, иногда, может быть, сажают их в карцер; но в целом можно сказать, что сиамцы относятся к рабам довольно гуманно, не заставляют их работать на износ и порой обходятся с ними куда лучше, нежели французы — с домашней прислугой» [Fabre 2005: 156].

Лаволле подчеркивал, что система рабовладения в Сиаме — это общественный институт со своими законами, традициями, правилами

* Эжен Бюрнуф (Eugène Burnouf, 1801–1852) — выдающийся французский востоковед, иранист, исследователь буддизма.

и целым кодексом норм. Он писал: «Рабы в Сиаме — как близкие родственники, иначе члены семьи. Сиамские нравы и закон охраняют их от проявлений в их сторону какой бы то ни было излишней жестокости» [Ibid.]. Дю Аيي развивал эту мысль по-своему: «Иногда удивляются, почему сиамцы называют себя “таи”, то есть “свободные”, тогда как треть населения — рабы. На это можно ответить, что так называемое сиамское рабство коренным образом отличается от идеи рабства, которую представляем себе мы, она гораздо гуманней и к тому же живет в полной гармонии с нравами этого народа» [Ibid.]. Амеде Греан отмечал, что «положение рабов в Сиаме вовсе не так ужасно и унизительно, как можно подумать; хозяева относятся к ним с большой человечностью» [Gréhan 1868: 30].

Говоря о внешнем облике тайцев, объясняя происхождение тайского этноса (для некоторых авторов слова «азиат» и «сиамец» все еще были синонимами), французские исследователи первой половины XIX в. давали весьма подробные, хотя и самые разнообразные сведения. В описаниях национального характера тайцев можно найти эпитеты «мягкий» и «ленивый», «верный» и «вежливый», «доброжелательный» и «лицемерный», «скромный» и «себе на уме», «одухотворенный» и «сибарит»; некоторые авторы сходились во мнении, что «тайцы — как дети»; многие отмечали их природную склонность к изящному, врожденный эстетический вкус, нашедший свое отражение в тайском народном творчестве [Fabre 2005: 31]. Брюгьер писал: «В их внешнем облике почти отсутствуют известные физические изъяны и недостатки, столь распространенные в Европе. Можно сказать, что во всем Сиаме едва ли сыщется столько слепых и горбатых, сколько живет в одной-единственной французской провинции» [Ibid.: 129].

Среди иллюстраций в «Описании Королевства Сиам» авторства Паллегуа можно найти изображение тайца, хотя в книге совсем нет изображений тайских женщин, за исключением рисунка, на котором изображена девочка лет четырнадцати. Интересно, что ее «рост несколько преувеличен. <...> Видимо, художник ориентировался на пропорции француженки того же возраста» [Ibid.: 36–37]. Первым же, кто представил французскому читателю портреты короля Монгкута и его супруги, был А.-А. Муо: его сочинение «Путешествие по Сиаму, Камбодже, Лаосу и другим областям Индокитая» было впервые опубликовано в 1863 г. в журнале «Вокруг света» («Le Tour du Monde», vol. 3).

Французские авторы обращаются к нравам и манерам тайцев, к их традиционным занятиям и повседневному быту, ремеслам и тайской кухне. Брюгьер писал, что сиамцы питаются в основном всякими вида-

ми рептилий, а их манера принимать пищу представлялась ему слегка отталкивающей [Ibid.: 137]. При этом французам казалась дикой привычка сиамцев мыться по два-три раза за день. Однако Паллегуа отмечал: «Они содержат себя в большой чистоте, меняют одежду каждый день. Сиамцы очень опрятны в своих домах, хозяйстве и личном обиходе» [Ibid.: 138].

Как совершенно точно отмечает Фабр, «французы ценили в облике Сиама живописную составляющую, которая подчас воспринималась чуть ли не мистически. При этом разница между французским и сиамским крестьянином могла существовать лишь в воображении путешественника, стремившегося повсюду отыскать необычное. Но, невзирая на это, миф все-таки родился и пережил бури и потрясения, даже когда от него отталкивались, дабы подвергнуть сомнению превосходство цивилизации и цивилизованных людей в европейском понимании этого слова» [Ibid.: 132]. «Те, кого мы называем “дикими” или “варварами”, частенько гораздо менее дики, чем иные европейцы, бахвалящиеся своей просвещенностью, и порой всерьез поражают деликатностью своего мировосприятия и чувств», — писал Лаволле [Ibid.].

Предпринимая попытку охарактеризовать перспективы развития сиамского общества, французские авторы первой половины XIX в. основывались на мнении о спокойствии тайцев и их природной склонности к простоте. При этом они не отрицали, что развитию Сиама мешают нищета и общая неграмотность населения. Однако французы склонялись к мысли, что при всех переменах Сиам останется аграрной, сельскохозяйственной страной, и связывали эту тенденцию с сиамским национальным характером, указывая на то, что человек, который много трудится на земле, не имеет возраста, стареет вместе с землей и молодеет вместе с ней же. Во французских описаниях начинает встречаться такой термин, как «простота» — простота в одежде, в пище. Брюгьер писал: «Они [сиамцы. — *А. П.*] как рыбки — проводят время, плескаясь и ныряя» [Ibid.: 140]. Паллегуа особенно отмечал спокойствие и невозмутимость сиамцев: «В столице, которая очень населена, весьма редки серьезные беспорядки или крупные споры; убийство — из ряда вон выходящее событие, иногда проходит год, и ничего подобного не случается. <...> Самоубийство, столь распространенное среди китайцев, — очень редкое явление в сиамском обществе» [Pallegoix 1854, t. I: 229].

Начало официальных дипломатических отношений между Францией и Сиамом было положено в середине в XIX в. 14 июля 1852 г. командующий французской военной базой в Южно-Китайском море контр-

адмирал Лягерр был уполномочен заключить договор о дружбе и торговом сотрудничестве с Королевством Сиам. 3 августа 1852 г. французский министр иностранных дел направил министру по делам колоний и мореплавания Дюко указания для контр-адмирала и предполагаемый текст французо-сиамского договора. Дюко было предложено также написать своему уполномоченному, просить «отложить все дела и скорее прибыть в Сиам, чтобы начать переговоры» [Fabre 2005: 158]. Однако министр мореплавания лишь передал Лягерру основные положения дипломатических обязанностей. Военные действия на Дальнем Востоке требовали участия Лягерра в качестве командующего французским флотом на Тихом океане, и новые полномочия были ему не совсем кстати. 22 февраля 1854 г. император Наполеон III поручил начать переговоры с Сиамом Бурбулону, представителю французов в Макао. При этом полномочия Лягерра так и не были отозваны.

Следует отметить, что графа А.Ф. де Валевски, министра иностранных дел Франции в 1855–1860 гг., всерьез беспокоило усиление британского влияния в Сиаме. 18 апреля 1855 г. в Бангкоке главой английской миссии Боурингом и королем Монгкутом было подписано соглашение, ставшее первым неравноправным договором с Сиамом со времени открытия страны для европейцев. По данному договору подданные Великобритании получали в Сиаме право экстерриториальности, а налог на ввозимые английскими купцами товары отныне не должен был превышать 3 % от стоимости. Ввоз опиума разрешался беспроцентно, а английские подданные могли арендовать и покупать землю в окрестностях Бангкока. В самой же столице Сиамы было учреждено консульство Англии. В письме к французскому послу в Лондоне Виктору де Персиньи от 10 августа 1855 г. де Валевски выражал досаду по поводу медлительности французских властей: «Признаться, мне очень жаль, что представители Франции и Великобритании в Китае не смогли договориться о встрече в Бангкоке, чтобы провести двусторонние переговоры и заключить необходимые соглашения» [Ibid.].

10 октября 1855 г. граф де Валевски назначил уполномоченным по делам французо-сиамских переговоров Шарля де Монтиньи, в то время консула Франции в Шанхае, обойдя, таким образом, Лягерра и Бурбулона. Получив необходимые инструкции, 30 декабря 1855 г. де Монтиньи выехал из Парижа в Сиам. Наполеон III распорядился, чтобы по пути французский уполномоченный посетил Рим, где ему надлежало получить подробные указания от представителей римско-католической церкви. По прибытии Монтиньи в Сингапур французский консул Готье вручил тому депешу от де Валевски, в которой Монтиньи

предоставлялись также полномочия для заключения договоров с сюзеренами Кохинхины и Камбоджи.

После продолжительного стояния в Сингапуре де Монтиньи наконец прибыл в Сиам в сопровождении кораблей «Каприсьёз» («Capricieuse»), «Катина» («Catinat») и «Марсо» («Marceau»). 9 июля 1856 г. он и его переводчики были приняты королем Сиамом Монгкутом. 15 августа 1856 г. между Францией и Сиамом был подписан Договор о дружбе и торговом сотрудничестве, по условиям которого французские коммерсанты на сиамской земле получали значительные привилегии, а за французскими кораблями было закреплено право заходить в гавани Бангкока. Документ был составлен по образцу англо-сиамского договора и подписан де Монтиньи и королем Монгкутом.

Во многом благодаря данному соглашению французо-сиамские торговые связи вышли на новый уровень или, лучше сказать, сдвинулись с мертвой точки. Существенно оживилось судоходство. В Китае был голод, и экспорт риса стал прибыльной отраслью торговли и финансовых спекуляций в европейских странах. Экспорт сиамских продуктов во Францию также стал для французских купцов источником хорошей прибыли. В результате многочисленных французо-сиамских коммерческих операций во французские порты — Нант, Марсель, Бордо — прибывало все больше торговых кораблей из Сиамы, а сами города наводнились служащими и агентами Ротшильда и Дорлинкура. Ввоз экзотических товаров из Сиамы во Францию привел к снижению цен на эти товары на европейском рынке, и таким образом Сиам принял участие в европейской товарообороте. Де Монтиньи в письме де Валевски 27 апреля 1857 г. подчеркивал значение французо-сиамских торговых связей: «Экспорт сиамских и лаосских продуктов из Сиамы во Францию <...> станет источником хорошей прибыли <...> и значительно поспособствует росту импорта французских товаров в Сиам» [Ibid.: 159]. Договор 1856 г. мог бы стать началом эры дружественных французо-сиамских отношений. Но расцвет оказался недолгим, и в скором будущем недоразумения и разногласия не замедлили дать знать о себе.

В 1858 г. начался колониальный захват Вьетнама французскими войсками. В 1862 г. под властью Франции оказались три восточных провинции Кохинхины, а в 1867 г. — три западных; северная и центральная части страны составили французский протекторат, вместе с Лаосом и Камбоджей образовав Французский Индокитай. Во французские колониальные планы входило стремление отыскать северный путь из Индокитая в Китай или освоить западный путь через Юго-Восточную Азию.

С этой целью в долине реки Меконг французами проводились научные экспедиции (экспедиция Гарнье-Лагре 1866–1867 гг.). Один из представителей французских колониальных властей прямо заявил: «Желание наше заключается в том, чтобы воплотить самые смелые наши надежды — распространить французское влияние от Гуаньдуна и Юньнана до Бангкока». Французы также ввели в оборот еще одну западную концепцию, а именно: права Франции на данные территории обоснованы исторически. Они принялись искать документальные свидетельства о том, что Вьетнам (следовательно, и его правопреемник — Франция) имеет больше прав на территории, простирающиеся между Ханоем и Сайгоном и Бангкоком» [Baker, Phongpaichit 2009: 59].

Усиливая политику освоения лаосских земель, Франция в начале 1892 г. преобразовала вице-консульство в Луангпрабанге в торговое агентство и открыла другие агентства на лаосских территориях. «В 1891 г. министр иностранных дел Франции А. Рибо заявил в палате депутатов: “Все страны, лежащие к востоку от реки Меконг, от того места, где он покидает пределы Китая, должны принадлежать Франции”» [Мельниченко, Пылева 2011: 49]. В том же году генерал-губернатором французского Индокитая стал Жан Мари Антуан де Ланнесан.

В сентябре 1892 г. сиамские губернаторы Кхаммуана и Нонгкая изгнали со среднего Меконга нескольких французских купцов, обвиненных в торговле опиумом. Масси, консул Луанг Прабанга, возвращаясь в Сайгон, умер; в феврале 1892 г. новым консулом стал Огюст Пави, являвшийся убежденным сторонником французских территориальных захватов в Индокитае. В марте 1893 г. Пави потребовал, чтобы Сиам убрал все военные гарнизоны с левобережья Меконга южнее Кхаммуана, объявив, что эта территория является вьетнамской. Так левый берег реки Меконг стал предметом ожесточенных французо-сиамских споров.

В начале 1890-х годов во Франции крепнет колониальное движение, известное под названием *parti colonial*. Его участники — парижские дельцы, журналисты, действительные или бывшие представители колониальных властей, военные, чиновники, принадлежавшие разным политическим кругам, — верили в созидательность колониальной политики в принципе. Наиболее влиятельные и активные участники этого движения образовали Комитет по Французской Африке (*Comité de l’Afrique Française*, 1891 г.), колониальное общество в Палате депутатов (1892 г.), Колониальный союз (*Union Coloniale*, 1893 г.) и Комитет по Французской Азии (*Comité de l’Asie Française*, 1901 г.)» [Tuck 1995: 99]. В итоге, «партия колониалистов во Франции громко и открыто провоз-

гласила, что для экономического процветания французского Индокитая существенное значение имеет господство над бассейном Менама [Мельниченко, Пылева 2011: 57].

В апреле 1893 г. Ланессан отправил в спорный район три военных отряда. Восемь сиамских гарнизонов отступили перед центральным отрядом, однако продвижение северной и южной частей замедлилось из-за сиамского сопротивления. Великобритания, со своей стороны, направила к Бангкоку три военных корабля — на случай, если возникнет необходимость в эвакуации британских граждан.

Сиамцы надеялись на свою неплохо вооруженную армию, а также на то, что можно будет сыграть на колониальных разногласиях между Францией и Англией в регионе. Однако англичане были в ту пору заняты северными территориями — средоточием сиамских, китайских и бирманских интересов, и ситуация обернулась известной метафорой: «французский волк» грозно поглядывал на «сиамского ягненка».

В июле 1893 г. Франция направила к Бангкоку шлюп «Анконстан» («Inconstant») и канонерку «Комэт» («Comète»). Форт Пакнам попытался обстрелять их, но корабли открыли ответный огонь и прорвались по реке Менам Чао Прая к столице Сиама. Французские орудия были направлены на королевский дворец. Принц Деваонг, уполномоченный королем Чулалонгкорном, прибыл на шлюпке к французской канонерке и, поднявшись на борт, мастерски провел переговоры с капитаном. Однако конфликт удалось потушить лишь на время, и уже 20 июля французы предложили ультиматум, требуя передачи им спорных территорий, вывода отсюда сиамских войск, выплаты двух миллионов франков репараций за бой у Пакнама и наказания ответственных за гибель французов на спорных землях.

В связи с тем что Сиам не принял ультиматум немедленно и отказывался удовлетворить требования Франции по пункту, в котором говорилось о правах Камбоджи и Вьетнама (т.е. Франции) на левый берег Меконга, французские корабли начали блокаду сиамского побережья. В дополнение к выдвинутым ранее условиям французы потребовали временной оккупации провинции Чонбури, а также демилитаризации провинций Баттамбанг, Сеамреап и 25-километровой зоны по западному берегу Меконга.

О камбоджийских провинциях французы мечтали давно. В 1863 г. губернатор Кохинхины Луи Адольф Бонар описывал их как богатейшие: «Эти провинции — буквально золотая жила <...> там выращивается много риса, производится древесина отменного качества; там же находятся рудники, без сомнения лучшие в Кохинхине, Сиаме и Камбодже.

Наконец, наряду с исключительных достоинств пенькой, есть немало рыбы, которую можно вылавливать в количестве от 60 до 80 тысяч тонн в год, при том что ее недостаток в местных водах даже не будет заметен» [Tuck 1995: 29].

3 октября 1893 г. между Францией и Сиамом был подписан договор, согласно которому территории левого берега Меконга переходили под протекторат Франции. «Все сиамские военные сооружения на левом берегу Меконга, а также на территориях провинций Баттамбанг и Сеамреап и в зоне 25-километровой полосы по правому берегу Меконга сносились. Правый берег Меконга объявлялся демилитаризованной зоной. Франция учреждала консульства в городах Након-Рачасима и Нан» [Мельниченко, Пылева 2011: 53]. 25 ноября 1893 г. между Великобританией и Францией было достигнуто соглашение об образовании смешанной англо-французской комиссии, которая должна была установить границы между английскими владениями в Бирме и французскими владениями в Индокитае.

Теофиль Делькассе, министр иностранных дел Франции в 1898–1905 гг., констатировал: «Это неумолимый закон прогресса. Слабым нациям не остается ничего иного, кроме как подчиниться государствам более энергичным и цивилизованным» [Tuck 1995: 239]. По всей видимости, способность Сиам к модернизации до последнего не признавалась французскими колониалистами, раз они категорически отрицали конструктивность сиамских реформ. Несмотря на то что решительно все указывало на обратное, французы настаивали на представлении о Сиаме как о стране, нуждающейся в преимуществах и выгодах колониального влияния, и утверждали, что Сиам неспособен к эффективным реформам. Даже в 1904 г. французский дипломат Франсуа Делонкль отзывался о Сиаме как о «“полудикой” стране с продажным королевским двором и процветающим рабством» [Ibid.: 240].

Жюль Арман, врач, много работавший в долине реки Меконг и отличавшийся знанием местных обычаев, будучи консулом Франции в Сиаме в 1881–1883 гг., в дневнике отзывался о Сиаме как о «“полуварварской нации”», упадочной и плохо управляемой, не динамичной и не развивающейся. Он почитал траты сиамской казны на иностранных советников и современную систему коммуникаций не мерами для успешного осуществления стратегии модернизации, но пустым подражанием западным традициям. Он характеризовал сиамское чиновничество как коррумпированное, праздное и неспособное к реформам. <...> Строительство нового королевского дворца, например, по подсчетам и мнению Армана, обошлось казне в четыре раза дороже, не-

жели было необходимо; при том, подчеркивает он, король не в состоянии регулярно выплачивать жалование своим солдатам и служащим» [Ibid.: 49].

Поистине «главная надежда французских колониалистов заключалась во внутреннем разладе и нестабильности в Сиаме, что предоставило бы им известные возможности и было бы желательнее всего» [Ibid.: 240]. Однако именно реформы королей Монгкута и Чулалонгкорна со служили Сиаму исключительную службу, укрепив его изнутри.

15 января 1896 г. между Великобританией и Францией в Лондоне была подписана специальная декларация о Сиаме. Не поставив в известность сиамское правительство и министерство иностранных дел, министр иностранных дел Великобритании Солсбери и посол Франции де Курсель разделили Сиам на так называемые «зоны влияния»: западная часть, примыкавшая в Бирме, была объявлена английской, а восточная часть — французской. Колониальные власти французского Индокитая оккупировали провинции Сеамреап и Баттамбанг, ранее относившиеся к Сиаму, и заняли порт Чантабун. Фактически Королевство было превращено в буфер между колониальными владениями Франции и Великобритании.

Альбер Дефранс, французский министр в Бангкоке в 1895–1907 гг., подразумевая, что покушения Франции на центральный Сиам невозможны без предварительного согласия со стороны Великобритании, назвал Сиам «неприкасаемым» [Ibid.: 169]. Принятая декларация способствовала тому, что Сиам стал решительнее сопротивляться французским притязаниям, так как появилась возможность рассчитывать на британскую поддержку: «Сиам мог расценивать француско-английское соглашение как успешный британский гамбит для защиты сиамской независимости от французского влияния. Потому в сторону Англии смотрели благосклонно, а в сторону Франции — с недоверием. Поощрялись английские советники и дипломаты. Можно было заключить, что Декларация не только гарантировала свободу Сиаму, но и нарушила баланс европейского экономического влияния в Сиаме в пользу Великобритании. Недовольство французскими колониалистами в отношении англичан усугубили и события в Африке — Фашодский кризис в 1891 г. и заметное усиление британского влияния в Египте. Начало англо-бурской войны в 1899 г. только усугубило этот антагонизм, позволив французам надеяться на то, что британцы станут более уязвимыми и дипломатический торг по Сиаму можно будет продолжить» [Ibid.: 169–170].

Франция существенно проигрывала Англии в интенсивности распространения экономического влияния в Сиаме. Когда сиамское руководство приняло решение развивать современную систему путей

сообщений, то с самого начала взоры были обращены именно к Великобритании. В 1870 г., благодаря пароходному сообщению между Сингапуром и Бангкоком, исправно заработала почта, а в 1872 г. между Бангкоком и Рангуном была проведена телеграфная линия. В том же году начались переговоры по проведению телеграфа между Бангкоком и Пинангом, и немногим позже эта идея была осуществлена британскими подрядчиками на средства сиамской казны. В 1877 г. адмирал-губернатор Дюперре предложил провести телеграф между Бангкоком и Пномпенем, но сиамская сторона отложила принятие окончательного решения до 1882 г., отдав предпочтение установлению телеграфного сообщения между Бангкоком и Тавою в британской Бирме [Ibid.: 46].

В 1895 г. по заявлению английского вице-консула Дж. Блэка «Торговое товарищество Бомбей-Бирма» («Bombay-Burma Trading Corporation») и «Борнео Кампани» («Borneo Company») инвестировали более одного миллиона стерлингов в сиамскую торговлю тиковым деревом. По ходатайству, одобренному британским министерством иностранных дел, сапфиры и рубины фирмы «Siam Ltd» были капитализированы в 300 000 фунтов. Британцы также контролировали два главных банка в Сиаме: агентства Гонконга и Шанхая и «Чартерд Бэнкс» («Chartered Banks»), основанные в 1888 и 1894 гг. [Ibid.: 175].

Несмотря на поэтапное введение протекционистского Тарифа Жерараль (General Tariff) в 1887–1892 гг. и учреждение филиала Индокитайского Банка (Banque de l'Indochine) в 1897 г., экономическое присутствие Франции в Сиаме в середине 1890-х годов сложно было назвать вполне убедительным. В конце 1890-х годов большая часть французской торговли по-прежнему была сосредоточена в Гонконге и Сингапуре. «По официальным статистическим данным, французское влияние во внешней торговле Сиам в 1890-е годы можно было оценить чуть более, чем в 2 %, при том что внешняя торговля осуществлялась в основном через Бангкок. Торговля Французской Кохинхины и Камбоджи с Сиамом через Баттамбанг, Сеамреап и Лаос по показателям существенно отставала от уровня торговли Сиам с Великобританией. Приняв к сведению информацию, усердно отобранную в провинции Баттамбанг немецким купцом Расселем, вице-консул Блэк заявил, что в 1895 г. торговля Сеамреапа и Баттамбанга с Французской Кохинхиной составила 40.193 фунта экспорта и 36.843 фунта импорта, тогда как французские данные указывают, что в 1905 г. показатели по Лаосу свелись к 29.273 фунтам экспорта и 71.535 фунтам импорта, причем большую часть импорта составили британские и немецкие товары, закупаемые в Бангкоке. По французским инвестициям в экономику центрального

Сиам в середине 1890-х годов данных нет, однако в 1903 г. французское консульство в Бангкоке сообщило, что отечественные вложения в сиамскую экономику, включая займы Индокитайского банка, приблизились лишь к 110.236 фунтам (2,8 млн франков)» [Ibid.: 175–176].

С целью укрепить международное положение Сиам в 1897 и 1907 гг. король-реформатор Рама V Чулалонгкорн побывал в Европе с масштабным турне, посетив Англию, Францию, Данию, Швецию, Бельгию, Италию, Австрию, Венгрию, Испанию, Нидерланды, Монако, Португалию, Россию, Швейцарию, Германию и Египет. По итогам путешествий Чулалонгкорна был опубликован сборник писем короля, обращенных к дочери, содержащий разнообразные впечатления о Европе периода *Belle Epoque* и эдвардианской эпохи, в частности, о Париже, французском укладе жизни и католической религии.

Во время пребывания короля Чулалонгкорна в России в 1897 г. российская дипломатия, имевшая тогда особое влияние на внешнеполитический курс Франции, совершила ряд шагов, чтобы убедить французскую сторону «в полезности хороших отношений с Сиамом» [От друга 2007: 54]. Потому, когда король Чулалонгкорн находился с официальным визитом во Франции 10–14 октября 1897 г., общественные симпатии французов были на стороне сиамцев, о чем можно было судить по публикациям французской прессы тех дней. Английское посольство в Париже обращалось к английскому министерству иностранных дел: «Что касается вопроса о защите французских граждан, то в этих статьях признается, что Франция, выступая с позиции силы, предъявляет завышенные требования, которые, если на них настаивать, парализуют управление Сиамом. Мы должны не доводить дело до абсурда, а взять линию на согласие» [Там же: 56]. Еще в период обострения француско-сиамских отношений в 1893 г. Россия оказала дипломатическую поддержку Сиаму (между королем Чулалонгкорном и императором Александром III состоялся обмен телеграммами по француско-сиамскому вопросу).

Примечательно, что после того как Сиам принял помощь Российской империи и между двумя странами завязались дипломатические и укрепились культурно-гуманитарные отношения, а в Сиаме начал свою работу российский посланник А.Е. Оларовский, вектор сиамской внешней политики будто поменял направление: «С момента прибытия в Бангкок Оларовский пользовался при сиамском дворе большим расположением. Стремление Чулалонгкорна к тому, чтобы дипломатическое вмешательство России во француско-сиамские дела пошло Сиаму на пользу, принесло неплохой результат. Оларовскому уделялось боль-

ше внимания, чем другим дипломатам, он чаще встречался с королем, а русская миссия находилась в непосредственной близости от королевского дворца. Политика Оларовского сводилась к тому, чтобы способствовать росту популярности России при королевском дворе, в противовес пробританским настроениям сиамского министра иностранных дел принца Девавонга. Предложив посредничество во француско-сиамских разногласиях, Оларовский преследовал цель — уменьшить в Сиаме британское влияние. 13 августа 1898 г. он обратился к министерству иностранных дел Российской империи: “После устройства француско-сиамских дел и усиления независимости Сиама нам следует потеснить здесь британское влияние и заменить английских советников на русских”. По мнению Оларовского, такой подход мог предоставить России дипломатические преимущества, главным из которых было, пусть бы и косвенное, но все же влияние на ближайшие британские владения — Бирму и Малайю» [Tuck 1995: 197].

Справедливо замечание Б.Н. Мельниченко: «Заключением договоров со странами Европы, хотя они и носили неравноправный для Сиама характер, Монгкут стремился добиться международно-правового признания суверенитета сиамского государства. Новая внешняя политика “открытых дверей”, которую стал проводить король Монгкут, получила позитивную оценку со стороны тех представителей стран Индокитая, которые осознали бессмысленность прежней изоляционистской политики перед лицом европейской агрессии. Вьетнамец-католик НгуенЧыонг То писал в это время: “Посмотрите на Сиам, который не крупнее и не сильнее нашей собственной страны. Однако когда он вступает в контакт с Западом, он знает всякий раз, как вести себя в той или иной обстановке <...> Он обходится без того, чтобы оборонять свои границы и защищать свои права, и, тем не менее, его уважают, как будто это великая держава <...> Сиам просто умеет делать внешнюю политику — только и всего, и внешняя политика, в свою очередь, делает эту страну день ото дня крепче и богаче”» [Мельниченко, Пылева 2011: 77].

Так, прибегая к разумной дипломатии в разрешении француско-сиамского конфликта, реформированный и модернизированный Сиам стал единственной страной в Юго-Восточной Азии, которой удалось избежать участи быть колонией какой-либо из европейских держав.

Библиография

Мельниченко Б.Н., Пылева А.И. Россия — Таиланд: история взаимоотношений (XIX — начало XXI века). СПб.: СПбГУ, 2011.

От друга: Стодесятилетие установления тайландско-российских отношений. [М.]: Изд-во Посольства Королевства Таиланд в России, 2007.

Baker Ch., Phongpaichit P. A history of Thailand. 2nd edition. Cambridge University Press, 2009.

Costet R. Pays de mission. La Thaïlande et le Laos // Les Missions Etrangères de Paris (Официальный Интернет-сайт Общества Парижских иностранных миссий). [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://www.mepasie.org/rubriques/haut/pays-de-mission/la-thaïlande-et-le-laos/>. Дата обращения к ресурсу: 03.04.2013.

Gréhan A. Le Royaume de Siam. 2 ed. P., 1868. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://archive.org/stream/leroyaumedesiam02grgoog#page/n9/mode/2up>.

Fabre S. Le Siam dans l'opinion française de 1815–1868. Chiangrai: Mae Fah-Luang University, 2005.

Pallegoix J.-B. Description du Royaume Thaïou Siam. P.: au profit de la mission de Siam, 1854. Tome premier. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://archive.org/stream/descriptionduro00pallgoog#page/n7/mode/2up>. Дата обращения к ресурсу: 15.08.2013.

Tuck P. The French Wolf and the Siamese Lamb. The French Threat to Siamese Independence, 1858–1907. Bangkok: White Lotus, 1995.